

ДОЖДЬ В ЧЕТЫРЕ ЧАСА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МАЛАЙЗИИ

ВИКТОРИЯ КОХАНИСТАЯ

Виктория Коханистая

Дождь в 4 часа. Книга-путеводитель по Малайзии

<https://litres.ru/74439193>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марина прилетает в Куала-Лумпур в пуховике — из питерской зимы, после выгорания, на целый год. Встречает её Шармила: бывший юрист из Пенанга, а теперь гид по гастротурам, которая точно знает, сколько часов новичок продержится без переходника для розетки. Эта книга — их разговор длиной в год.

Почему «lah» меняет смысл любой фразы? Как три народа уживаются на одной улице? Что такое дыхание вока, как сбить цену до последней и почему на дождь в четыре часа можно спорить? Вместе с героинями вы пройдёте по Джорджтауну и Малакке, подниметесь в Камерон-Хайлендс и на Кинабалу, попробуете дуриан и узнаете, как устроена эта страна изнутри.

В конце — 16 приложений: въезд и MDAC, маршруты, бюджет, транспорт, кухня, разговорник, климат и праздники. Живая история и полноценный путеводитель под одной обложкой — для тех, кто едет в Малайзию, и для тех, кто хочет почувствовать её, не выходя из дома.

Виктория Коханистая
Дождь в 4 часа. Книга-
путеводитель по Малайзии

Глава 1. Страна, у которой имя моложе, чем у её городов

Из аэропорта в город ехать час, и первые сорок минут за окном не было ничего, кроме пальм.

Не декоративных пальм, какие стоят в кадках у отелей. Настоящих: рядами, до горизонта, одинаковых, с широкими перистыми листьями, посаженных с математической точностью. Ряд, ряд, ряд, просека, снова ряд. Как поле, только вертикальное.

— Это что? — спросила я у водителя.

— Palm oil, — сказал он, не оборачиваясь. — *Sawit*.

Я записала слово в телефон и потом весь год слышала его примерно каждый день.

Водитель был немолодой, в клетчатой рубашке навывпуск, с чётками, намотанными на зеркало заднего вида. Кондиционер в машине дул так, будто ему поручили заморозить меня к приезду, и я сидела в пуховике, потому что снять его не было сил. Пуховик я надела утром в Пулково, и теперь он лежал на мне как единственное доказательство того, что это утро действительно было и что где-то сейчас минус и темно.

За три дня до вылета я, как велела авиакомпания, заполнила на сайте цифровую карту прибытия — она называется MDAC, и без неё в страну лучше даже не лететь. Пограничник в аэропорту посмотрел на меня, на паспорт, снова на

пуховик, поставил штамп и сказал: «Welcome to Malaysia». Это были первые слова, которые страна мне сказала, и потом оказалось, что она имела это в виду.

Я журналистка. Двенадцать лет петербургских редакций: ночные выпуски, чужие дедлайны, собственные нервы. Осенью я поймала себя на том, что в третий раз перечитываю абзац и не понимаю, на каком он языке. Врач произнёс слово «выгорание» тем тоном, каким говорят «перелом». В декабре я уволилась, сдала квартиру и купила билет туда, где тепло, далеко и где я никого не знаю. План был простой: год. Ничего не писать. Спать, есть, смотреть на воду.

Из этого плана выполненлся только пункт про еду.

Контакт Шармилы мне дала бывшая коллега, которая ездила на её гастротур в Пенанге и вернулась с одной фразой: «Она тебе объяснит эту страну лучше любого путеводителя, но готовься, она юрист». Шармила как раз была в Куала-Лумпуре по делам и написала мне короткое сообщение: «Встречу. Первые дни — со мной. Не благодарите заранее».

Она ждала у ресепшена в холле отеля с планшетом и стаканом кофе. Невысокая, смуглая, в льняной рубашке, с забранными наверх волосами и очень внимательными глазами.

— Марина? Шармила. — Рукопожатие было коротким и деловым. Взгляд задержался на пуховике. — Как долетели? Не отвечайте, я вижу. Двадцать часов, да? Идите в номер, поспите два часа, не больше двух, иначе собьёте ритм. В шесть спускайтесь, поедим, и я вам всё расскажу.

— Что вы мне расскажете?

— Страну, — сказала она. — Быстро, за ужином, чтобы вы понимали, куда попали. Потом будем разбираться год.

Я поднялась в номер, легла поверх покрывала и провалилась. Проснувшись от будильника в половине шестого с ощущением, что меня разобрали и собрали обратно без инструкции. За окном всё изменилось: асфальт блестел, с навесов капало, над улицей стоял пар, как над кастрюлей, с которой сняли крышку. Пахло мокрым камнем, жареным луком и чем-то сладким, чего я не могла назвать.

— Был дождь? — спросила я Шармилу внизу.

— В четыре, — сказала она так, как говорят «в понедельник». — Вы его проспали. Ничего, он придёт завтра. Он всегда приходит.

Как это называется

В шесть мы сидели за пластиковым столом на улице, под навесом, между лавкой с фруктами и мастерской по ремонту телефонов. Хозяйка лавки — пожилая женщина в цветастом платке — поставила перед нами два стакана с чем-то мутно-оранжевым и тарелку с рисом, завернутым в банановый лист. Из мастерской доносилось жужжание паяльника и радио, по которому пели на языке, в котором я не опознала ни одного слова.

Я машинально достала блокнот. Двенадцать лет — это ре-

флекс, как у собаки на звонок.

— Вообще-то, — сказала я, глядя на блокнот так, будто он сам выпрыгнул, — я приехала сюда ничего не записывать.

— Тогда не записывайте, — пожала плечами Шармила.
— Запоминайте. Хотя за ужином в первый день ещё никто ничего не запомнил.

Я открыла блокнот.

— Первое, — сказала она, разворачивая лист. — Как называется страна.

— Малайзия.

— А откуда слово?

Шармила отпила из стакана.

— А вот тут начинается то, ради чего вы приехали. Держитесь. **Имя «Малайзия» у этой страны моложе многих стариков, которых вы сегодня видели на улице.**

— Не поняла.

— Страна под названием Малайзия существует **с 16 сентября 1963 года**. Шестьдесят с небольшим лет. До этого была Малайская Федерация, до этого британские владения, до этого султанаты. Само слово ещё в XIX веке придумал французский мореплаватель для здешних островов, а в шестьдесят третьем его взяли для новой страны, когда объединяли Малайю, Сингапур, Сабах и Саравак: к «малайцам» добавили суффикс, обозначающий землю. Получилась «земля малайцев».

— И это всех устроило?

— Никого это не устроило, — сказала Шармила и засмеялась. — Индонезия объявила, что это британский проект, и устроила вооружённую конфронтацию на три года. Филиппины предъявили претензии на Сабах. Сингапур вышел из состава через двадцать три месяца. А внутри страны китайцы и индийцы посмотрели на слово «земля малайцев» и задали себе вопрос, который задают до сих пор.

— Какой?

— «А мы тогда кто?»

Она сказала это без надрыва, буднично, и потянулась за рисом.

— А вы? — спросила я. — Вы тогда кто?

— Я малайзийка, — сказала Шармила. — Тамилка из Пенанга, бывший юрист, гражданка страны, которая старше меня всего на пару десятилетий. Прадед приехал сюда, когда никакой Малайзии не было. Так что я, строго говоря, живу в стране, которую придумали при моих родителях. Ешьте, остынет. Это *nasi lemak*, национальное блюдо. Про него я вам прочитаю отдельную лекцию, когда доберёмся до Пенанга, а сейчас просто ешьте.

Я развернула свой лист. Внутри был холмик белого риса, пахнущего кокосом, горка крошечных жареных рыбок, арахис, половинка варёного яйца, два ломтика огурца и тёмно-красная паста, которую я неосторожно зачерпнула целиком. Следующие полминуты я не участвовала в разговоре. Хозяйка лавки посмотрела на меня с сочувствием и молча

поставила третий стакан — с водой.

— *Sambal*, — сказала Шармила, не поднимая глаз. — Острый соус. Его берут на кончик вилки. Это вы тоже запомните без блокнота.

Когда я снова смогла говорить, я отложила вилку.

— Хорошо. Дайте мне картинку целиком. Одним абзацем. Шармила подумала.

— Малайзия — это страна из двух кусков, разделённых морем, в которой живут три больших народа, четыре религии и примерно сто тридцать языков, где государственный язык малайский, деловой английский, а на улице говорят на смеси всего перечисленного. Она была британской колонией, стала независимой в пятьдесят седьмом, разбогатела на олове, каучуке, пальмовом масле и микросхемах, у неё девять живых наследственных правителей, которые по очереди становятся королём, и она умудряется быть одновременно мусульманским государством и местом, где на одной улице стоят мечеть, китайский храм, индуистский храм и церковь, и никто не удивляется.

— Это один абзац?

— Я юрист, — сказала Шармила. — Я умею.

Из мастерской выглянул парень с паяльником в руке. Видимо, английскую часть он слушал внимательно.

— And the best food, — сказал он. — You forgot, auntie. Best food *lah*.

— Он прав, — сказала Шармила, ничуть не обидевшись

на «тётушку». — Я забыла главное. И это «*lah*» тоже запомните. Вы его будете слышать сто раз в день и через полгода начнёте говорить сами.

— Не начну.

— Все начинают, — сказала она. — Спорим?

Я не стала спорить. И правильно сделала.

Грязное устье

— Столица — **Куала-Лумпур**, — продолжила Шармила.
— Все говорят «КЛ», и вы через неделю тоже будете.

— Что значит название?

— Дословно — «мутное слияние». *Kuala* — устье, место, где одна река впадает в другую. *Lumpur* — грязь, ил. «Грязное устье».

Я засмеялась.

— Столица называется «грязное устье»?

— Основана в 1857 году, — сказала Шармила невозмутимо. — Кучка китайских старателей поднялась вверх по реке искать олово и встала лагерем там, где сливаются Кланг и Гомбак. Место было болотистое и малярийное; из первой партии в восемьдесят семь человек через месяц выжило то ли восемнадцать, то ли меньше. Название честное.

Я перестала смеяться. Восемьдесят семь человек приехали за оловом, и почти никого через месяц. А город стоит и светится.

— И где это слияние?

— Под мечетью Джабек, в центре. Завтра утром пройдем мимо, увидите сами.

— А вторая столица есть?

— Есть, и это официально. **Путраджая** — административная столица. Построена с нуля в девяностых, в двадца-

ти пяти километрах от КЛ: туда переехало правительство, министерства, премьер. Гигантские здания, розовая мечеть, озеро, пустые проспекты и почти никаких людей на улицах.

— Зачем?

— Затем же, зачем Бразилиа и Нейпидо. Разгрузить столицу и построить витрину. Летом мы туда съездим, и вам будет не по себе. Всем не по себе.

— А неофициальная вторая столица?

— **Джорджтаун**на Пенанге, — сказала Шармила, и по интонации я поняла, что мы дошли до личного. — Я оттуда. Это культурная и гастрономическая столица, объект ЮНЕСКО, старый портовый город с китайскими лавками, индийским кварталом и лучшей едой в Юго-Восточной Азии. Кто вам скажет, что лучшая еда в Бангкоке, — тот не был в Пенанге.

Парень из мастерской, не выходя, одобрительно поднял большой палец.

— Так и запишем, — сказала я.

— Так и запишите. И есть ещё **Джохор-Бару**на юге, один из главных экономических центров, потому что он через мост от Сингапура, и **Кучинг**на Борнео, который вообще другая страна внутри страны, но об этом позже. Всего у нас **тринадцать штатов и три федеральные территории**. Штаты вы выучите не по карте, а по еде, так быстрее.

Мы шли обратно к отелю в темноте, которая упала на город так же внезапно, как, по словам Шармилы, падал здесь

дождь. Мимо с треском проносились мотоциклы, из открытых дверей тянуло холодом кондиционеров, где-то с минарета поплыл протяжный голос, и почти сразу, перебивая его, за углом кто-то ударил в гонг. На перекрёстке я, не глядя, шагнула на дорогу — и Шармила поймала меня за локоть.

— Направо, — сказала она. — Здесь сначала смотрят направо. Это вы тоже запомните, но лучше не ценой жизни.

Полосы славы

Утром она повела меня на площадь Мердека пешком, «чтобы вы почувствовали город ногами». Город ощущался ногами, спиной, лопатками и затылком: в девять утра было уже так тепло и влажно, что рубашка прилипла к спине через десять минут. Пуховик остался в шкафу, и я подозревала, что до следующего января.

У мечети Джамек мы остановились на мосту. Внизу, в бетонных набережных, сходились две коричневые реки — одна чуть светлее, другая чуть темнее, — и на стрелке между ними стояла мечеть с белыми куполами и полосатыми, как карамель, стенами. Вдоль воды были натянуты гирлянды, у парапета стоял фонтан.

— Вот оно, — сказала Шармила. — Грязное устье. Кланг и Гомбак. Теперь здесь всё подсвечивают по вечерам и называют «Река жизни».

— Красиво переименовали.

— Маркетинг, — сказала она. — Восемнадцать выживших из восьмидесяти семи были бы, наверное, польщены.

Площадь оказалась огромным зелёным полем, окружённым зданиями, похожими на декорации к фильму про Британскую Индию: краснокирпичные, с луковичными куполами, подковообразными арками и часовой башней. Посреди поля стоял флагшток невероятной высоты, и на нём медленно разворачивался флаг.

— Девяносто пять метров, — сказала Шармила. — Когда-то его называли самым высоким в мире, потом нас обошли. Тридцать первого августа 1957 года ровно на этом месте спустили британский флаг и подняли наш. Место называется *Dataran Merdeka* — площадь Независимости. *Merdeka* — «свобода». Это слово тут кричат хором, три раза подряд, с поднятой рукой. Увидите в августе.

— Это день рождения страны? Вы же вчера говорили про шестьдесят третий год.

— Хороший вопрос, — сказала она с удовольствием экзамениатора, которому попался внимательный студент. — Пятьдесят седьмой — независимость Малайи. Шестьдесят третий — рождение Малайзии. Два дня рождения, и оба празднуют. Мы страна, у которой всё в двух экземплярах. Привыкайте. Теперь читаем флаг. Он называется *Jalur Gemilang*, «Полосы славы». Название выбрали в 1997 году из предложений граждан, до этого просто «флаг».

Флаг Малайзии — «Полосы славы»

Jalur Gemilang: четырнадцать полос и четырнадцать лучей звезды

Изначально четырнадцатым штатом был **Сингапур**. Он вышел из федерации в 1965 году — число оставили и переосмыслили: теперь это 13 штатов и федеральное правительство. Название *Jalur Gemilang* флаг получил в 1997 году — его выбрали из предложений граждан.

Илл. 1.1. «Полосы славы». Четырнадцать полос и четырнадцать лучей звезды: тринадцать штатов и федеральное правительство.

— **Четырнадцать полос**, красных и белых, — сказала Шармила. — И **четырнадцать лучей** у звезды.

Я посчитала полосы, сбилась, посчитала снова.

— Почему четырнадцать? Штатов тринадцать. Вы сами вчера сказали.

— И на это есть два ответа, оба правильные. **Изначально** — потому что штатов было четырнадцать: тринадцать плюс Сингапур. Когда Сингапур вышел в 1965 году, число оставили и переосмыслили: теперь это тринадцать штатов

плюс федеральное правительство .

— То есть флаг сохранил след разрыва.

— Именно. Это, между прочим, ключ ко всей стране: тут почти всё сохранило след какого-нибудь разрыва. — Она показала рукой. — **Синий прямоугольник**— единство народа. **Жёлтый**— цвет малайских правителей, королевский цвет; поэтому он и в полумесяце, и в звезде. **Полумесяц**— ислам как официальная религия государства.

— А красный и белый?

— Обычно говорят про мужество и чистоту, как везде. Тут интереснее форма: полосы и прямоугольник со звездой в углу. Ничего не напоминает?

Я посмотрела, и до меня дошло.

— Так это же американский флаг! — сказала я, пожалуй, громче, чем следовало.

На скамейке рядом сидел пожилой господин в белой рубашке и чёрной бархатной шапочке-сонгкок, с газетой на коленях. Он опустил газету и посмотрел на меня поверх очков тем взглядом, каким учитель смотрит на ученицу, перепутавшую столицы.

— Not American, — сказал он мягко и очень отчётливо. — East India Company. Same grandfather. Different grandchildren. И вернулся к газете.

Шармила изо всех сил старалась не рассмеяться.

— Вот, — сказала она вполголоса. — Вы получили официальную версию из первых рук. Композиция восходит к

флагу Ост-Индской компании, у которого тоже были полосы и прямоугольник в углу, и американский флаг сам от него произошёл. Общий дедушка, разные внуки. Я не берусь судить, но версия связная. А сравнение с американским здесь слышали шестьдесят лет подряд, и оно всем надоело. Скажете вслух — поправят. Как видите, мгновенно.

— Могли бы предупредить.

— Могла бы, — согласилась она. — Но так вы запомните лучше. Это педагогика.

Мы перешли в тень аркады, к зданию с куполом, и Шармила показала на барельеф над входом.

— **Герб.** Щит, два тигра по бокам, полумесяц и та же четырнадцатилучевая звезда сверху, лента с девизом снизу.

— Тигры?

— Малайский тигр. Их на гербе двое, они держат щит. Живых малайских тигров в природе, — она помолчала, — по последним оценкам осталось меньше полутора сотен. На гербе их пропорционально больше, чем в лесу. Об этом у нас будет тяжёлый разговор, когда поедем в джунгли.

— А на щите что?

— Щит поделён. Сверху — пять кинжалов-*крисов*: это пять штатов, которые в британское время не входили в федеративные. Под ними — **четыре цвета**: красный, чёрный, белый, жёлтый — это четыре штата, которые были федеративными. Ниже — гибискус и символы остальных штатов. И отдельно — **дерево малакка, мости птица-носорог.** Де-

рево — это Мелака, город и штат, откуда пошла вся малайская государственность. Мост — Пенанг, у нас мост на материк. Птица-носорог — Саравак, у них это символ. Герб — это буквально карта страны, собранная из эмблем. Каждому досталось по кусочку.

— А девиз?

— *Bersekutu Bertambah Mutu*. «В единстве — сила», если переводить смысл; дословно — «объединившись, прибавляем в качестве». Написан **дважды**: латиницей и арабской вязью — *джави*. Это малайский язык, записанный арабским алфавитом. Так писали пятьсот лет, до того как англичане ввели латиницу. Джави жив: он на вывесках в Келантане, на государственных бланках, в религиозных школах. Вы начнёте его замечать и не сможете перестать.

Я задрала голову и действительно увидела под латинскими буквами вязь — тонкую, как узор на ткани. Я прошла бы мимо неё сто раз.

Шлягер из кабаре

— И гимн, — сказала Шармила, когда мы вышли обратно на солнце. — И вот тут вы удивитесь по-настоящему.

— После «общего дедушки» меня трудно удивить.

— Посмотрим. Гимн называется **«Негараку»** — *Negaraku*, «Моя страна». Мелодия у него... — она запнулась, подбирая слово, — с биографией.

— С какой?

— В девятнадцатом веке во Франции была популярная песенка. Она разошлась по колониям и попала на Сейшелы, где в ссылке жил свергнутый британцами султан Перака. Песенка ему понравилась, и через него она добралась до Перака. В Пераке её взяли как гимн штата — под названием «Аллах ланджуткан усия султан», «Да продлит Бог жизнь султана».

— Французская песенка, сосланный султан, Сейшелы. Вы это сейчас сочиняете.

— Я юрист, — напомнила она. — Я не сочиняю, я излагаю. Дальше лучше. В тридцатые годы мелодия стала эстрадным хитом. В Сингапуре её пели в кабаре и в фильмах, у неё было другое, довольно легкомысленное название, и её крутили как шлягер.

— Гимн — это шлягер тридцатых?

— Мелодия — да. В 1957 году, когда выбирали гимн, объявили международный конкурс. Прислали работы — не вы-

брали ни одной. И тогда премьер Тунку Абдул Рахман предложил взять мелодию гимна Перака. Замедлили темп, написали новые слова, и получилось «Негараку».

Я представила себе, как кабаре-певица в Сингапуре тридцатых поёт что-то игривое под эту мелодию, а через двадцать лет под неё же, но медленно, поднимают флаг на этом поле, и тысячи людей стоят не шелохнувшись. Мне понравилось. У этой страны определённо было чувство юмора, даже если сама она об этом не догадывалась.

— Слова о чём?

— Очень коротко и очень просто: моя страна, земля, где пролилась моя кровь, народ живёт в единстве и процветании, да благословит Бог короля. Всё. Это один из самых коротких гимнов мира.

— И как к нему относятся? С учётом кабаре.

— Серьёзно, — сказала Шармила, и голос у неё стал другим. — Про кабаре знают историки и любители викторин. Гимн поют на школьных линейках. Бывает — обычно к Дню независимости, — что его включают в кинотеатре перед сеансом, — купите билет на боевик, погаснет свет, и вместо рекламы зазвучит гимн, и зал встанет. Не сидите. Встаньте со всеми. Это, кстати, единственный случай, когда я видела, чтобы малайзийцы делали что-то по-настоящему быстро и все одновременно.

Мимо нас прошла цепочка школьников в белых рубашках и тёмно-синих юбках и брюках — девочки в белых плат-

ках, мальчики с рюкзаками больше их самих. Учительница вела их к флагштоку и что-то говорила про пятьдесят седьмой год. Один мальчик, отстав, внимательно рассмотрел меня, мои сгоревшие за утро плечи и мой блокнот и сообщил: «Hello!» Я сказала «hello» в ответ. Он просиял, как будто выиграл спор, и побежал догонять своих.

Король, который меняется

Мы сели на скамейку в тени большого дерева. Пожилой господин с газетой к тому времени ушёл, и я была этому немного рада.

— А теперь главное, — сказала Шармила. — То, чего нет больше нигде в мире.

— Ещё что-то в двух экземплярах?

— В девяти. У Малайзии **выборная монархия с ротацией**. Глава государства называется **Янг ди-Пертуан Агонг** — дословно «Тот, кто сделан верховным господином». В быту — Агонг, или просто «король».

— И его выбирают? Всенародно?

— Нет, народ тут ни при чём. Его выбирают **девять наследственных правителей девяти штатов**. Из своего числа. На **пять лет**. Потом он уходит и возвращается править своим штатом, а королём становится следующий.

Я записала и переспросила:

— То есть король — это временная должность, которую

передают по кругу? Как председательство в родительском комитете?

Шармила посмотрела на меня долгим взглядом.

— Если вы скажете это при малайце, — сказала она, — он будет вежлив. Но больше вас на ужин не позовёт. — Потом смягчилась: — По сути вы правы, но формулировка неудачная. По очереди. Изначально очередь определялась старшинством правителей, теперь она устоялась и идёт по кругу между девятью штатами. Формально это выборы, фактически — согласованная ротация. Каждые пять лет — новый король, новая королева, новые портреты во всех учреждениях. С января двадцать четвёртого года король у нас — султан Джохора, семнадцатый по счёту.

— А остальные четыре штата? Без правителей?

— Пенанг, Мелака, Сабах и Саравак. У них губернаторы, их назначают, и в выборах короля они не участвуют. Исторически это территории, где султанатов не было или они прервались. Я из Пенанга, так что лично мой штат своего короля не выдвинет никогда. Я с этим живу.

— Обидно?

— Удобно, — сказала она. — Меньше портретов менять.

Король, который меняется каждые пять лет

Девять наследственных правителей выбирают короля из своего числа — по очереди

Формально это выборы, фактически — согласованная ротация. У четырёх штатов без наследственных правителей — губернаторы: они в ротации не участвуют.

Илл. 1.2. Девять монархий штатов по очереди дают стране короля на пять лет. Пенанг, Мелака, Сабах и Саравак, где правят назначенные губернаторы, в ротации не участвуют.

— Кстати о портретах, — сказала она и посерьёзнела. — Портрет короля и королевы висит в каждом учреждении, банке, школе и часто в кафе. Вы его увидите над кассой, над стойкой регистрации, над холодильником с напитками. Не шутите про него. Не фотографируйте демонстративно с рожицами. Не комментируйте.

— Даже в шутку?

— Особенно в шутку. Оскорбление правителей — это не фигура речи, а статья закона о подстрекательстве. Люди получали реальные сроки за посты в соцсетях. Реальные, Марина. Не штраф.

Я вспомнила пару своих старых постов про начальство и решила, что здесь буду писать о погоде.

— А флаг?

— Флаг не используют как одежду, скатерть и обёртку. В августе, перед праздником, им украшают всё подряд — машины, балконы, заборы, — это можно, но с уважением. И гимн, как я сказала: встаёте.

— Хорошо. Какие у короля полномочия? Кроме портретов.

— Формально огромные, фактически конституционно ограниченные. Он назначает премьера, подписывает законы, он глава ислама в штатах без собственных правителей и верховный главнокомандующий. На практике действует по совету правительства.

— Но?

— Вы уже научились слышать «но», — одобрила она. — Хорошо. Но в последние годы роль короля выросла. Когда в 2020–2022 годах у нас была политическая чехарда и три премьера за два года, именно король решал, у кого есть большинство. Он собирал депутатов, разговаривал с каждым, взвешивал. В 2022 году именно он назначил пре-

мьера после выборов, на которых никто не получил большинства. С ноября того года премьер у нас — Анвар Ибрагим. То, что было церемониальным, вдруг стало решающим.

— То есть монархия ожила.

— Ожила, — согласилась Шармила. — И это здесь обсуждают на каждой кухне. Одни говорят: слава богу, нашёлся взрослый арбитр, когда политики передрались. Другие говорят: это не его дело, и мы создали прецедент, который когда-нибудь аукнется. Я юрист. Я слышу обе стороны и знаю, что правы обе, и это самое неприятное, что может знать юрист.

— А вы лично?

Она помолчала и посмотрела на флагшток. Флаг над нами то повисал, то снова расправлялся, когда налетал горячий ветер.

— Лично я, — сказала она наконец, — рада, что у нас был арбитр. И мне не нравится, что он нам понадобился. Запишите это как мнение частного лица, а не адвоката.

Я записала.

Потом мы долго сидели молча. На площади было пусто и ярко. Солнце стояло почти над головой, тени от деревьев съжились до пятачков, часовая башня показывала без четверти двенадцать. Где-то далеко, над окраинами, собирались облака — белые, высокие, с плоскими тёмными донышками, как будто их кто-то подровнял ножом.

— К четырём будут здесь, — сказала Шармила, проследив

мой взгляд. — Давайте подведём итог, пока не расплавились. Что вы знаете о стране через сутки?

Я посмотрела в блокнот.

— Что у неё одно имя и два дня рождения. Что её имя мо-
ложе, чем её столица, а столица называется «грязное устье».
Что на флаге четырнадцать полос, и одна из них — Синга-
пур, которого нет. Что у флага общий дедушка с американ-
ским, но говорить этого нельзя. Что гимн раньше пели в ка-
баре. И что король меняется каждые пять лет, как председа-
тель... — я поймала её взгляд, — как ничто на свете.

— Неплохо, — сказала Шармила. — Для человека, кото-
рый приехал ничего не записывать.

— Я и не записываю, — сказала я. — Я запоминаю. Блок-
нот просто рядом лежит.

Она засмеялась — впервые по-настоящему, откинув го-
лову.

— Завтра, — сказала она, поднимаясь, — будут люди.
Тридцать четыре с лишним миллиона, три народа, сто трид-
цать языков и один язык, который вы выучите за вечер. И
деньги.

Вечером, когда я вернулась в номер и полезла в чемодан
за зарядкой, выяснилось, что розетка в стен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.